

Эльфийка и Магистр:
Игра слов

Сергей Патрушев

Сергей Патрушев

Эльфийка и Магистр: Игра слов

<https://litres.ru/74273498>

SelfPub; 2026

Аннотация

Юная эльфийка Лиара Элландэль отправляется в человеческую Академию магии от скуки искать развлечений, а не знаний, но её дерзкий нрав и острый язык сталкиваются с ледяным спокойствием магистра Кайана Вэллса - преподавателя запретных искусств, чья холодность бесит её сильнее любой угрозы. Их словесные дуэли перерастают в опасную игру, где ставки выше, чем просто оценки.

Когда заклинание на экзамене выходит из-под контроля, Кайан нарушает все протоколы, чтобы спасти её и обнаруживает, что его стальная броня дала трещину. Тьма, магия и чувства, которые нельзя называть, сплетаются в историю о том, как лёд встречается с пламенем и возникает резонный вопрос, кто кого растопит первым.

Содержание

Глава 1. «Сталь и шёпот»	4
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Эльфийка и Магистр: Игра слов

Глава 1. «Сталь и шёпот»

Тяжёлая дубовая дверь, окованная потемневшими от времени железными полосами, поддалась не сразу. Лиара надавила плечом, чувствуя, как древнее дерево сопротивляется, словно живое существо, не желающее впускать чужака. Петли издали низкий, протяжный стон, полный вековой усталости, и этот звук эхом прокатился под каменными сводами, заметался между балками, теряющимися в непроглядной вышине, и замер где-то в темноте, словно проглоченный самим мраком. Она замерла на пороге, пережидая мгновение, когда волна спёртого, пропитанного воском, старой бумагой и чем-то ещё — чем-то острым, металлическим, отдаённо напоминающим озон после грозы — ударила в лицо.

Запах был густым, почти осязаемым. Он не просто витал в воздухе — он, казалось, облеплял кожу, проникал в лёгкие, оседал на языке горьковатым привкусом. Так пахнет сама древность. Так пахнет знание, которое веками хранилось взаперти, вдали от солнечного света и свежего ветра. В этом

запахе была своя поэзия, мрачная и торжественная, и Лиара, при всей своей показной небрежности, не могла не отметить этого. Эльфы чувствуют время иначе. Они слышат, как оно течёт сквозь камни, как оседает пылью на фолиантах, как впитывается в каждую трещину кладки. Эта аудитория была стара даже по эльфийским меркам, и это невольно вызывало уважение. Впрочем, уважение было мимолётным — оно тут же сменилось привычным раздражением.

Опаздывать она не любила. Дело было не в вежливости — боги упасите подумать, что леди из дома Элландэль, чья родословная восходит к тем временам, когда люди ещё не знали письменности, способна краснеть перед каким-то человеческим магистром. Нет, причина была иной, куда более прозаичной и в то же время глубоко личной. Опаздывая, она оказывалась в положении просителя. Она была вынуждена вторгаться в чужое, уже устоявшееся пространство, нарушать его течение, и, что самое отвратительное, — извиняться самым фактом своего запоздалого появления. Это было некомфортно. Это принижало. А Лиара Элландэль не привыкла, чтобы её принижали. Даже обстоятельства.

И виноват в этом был, без сомнения, лабиринт здешних коридоров. Академия, выстроенная, казалось, с единственной целью — запутать, вымотать и заставить возненавидеть этот продуваемый сквозняками каменный мешок. Архитек-

тор, создававший это место, был либо безумен, либо гениален, либо и то и другое одновременно. Переходы изгибались вопреки всякой логике, лестницы уводили не вверх, а куда-то вбок, двери, которые, казалось бы, должны вести в аудиторию, распахивались в кладовые, забитые сломанными метлами и банками с заспиртованными тварями. А указатели, начертанные на стенах светящейся краской, менялись местами, стоило только отвести взгляд. Лиара трижды прошла мимо одного и того же горгульеобразного держателя для факелов, прежде чем поняла, что ходит кругами.

Отец, отправляя её сюда, назвал это «развлечением». «Тебе скучно, дитя, — протянул он тогда, не отрывая взгляда от древнего фолианта, испещрённого эльфийскими письмами. Голос его звучал рассеянno, словно мысли его витали где-то за пределами комнаты, за пределами самого времени. — Поезжай, развейся. Посмотришь, чему людишки учат своих отпрысков. Может, и посмеёшься». Скука была бичом их рода. Долголетие, которое люди считали благословением, на деле часто оборачивалось проклятием. Когда впереди у тебя столетия, трудно найти занятие, которое не наскучит через пару десятков лет. Она перепробовала всё: музыку, поэзию, живопись, верховую езду, фехтование, даже алхимию — пока не взорвала лабораторию и не лишилась бровей на целый месяц. Всё приедалось, всё становилось пресным, повторяющимся, лишённым новизны. Мир, казалось, был про-

читан ею до последней страницы.

И тогда отец предложил Академию. Человеческую Академию магии. Идея была настолько абсурдной, что поначалу она рассмеялась. Она, эльфийская аристократка, владеющая магией с пелёнок, будет сидеть за одной партой с человеческими юнцами, которые только вчера узнали, какой конец у жезла нужно держать? Но потом она задумалась. В конце концов, почему бы и нет? Это будет хотя бы что-то новое. Новая обстановка, новые лица, новые правила. Может быть, даже новые враги. Враги — это всегда интересно.

И вот она здесь. Стоит на пороге этого склепа, где, казалось, даже тени дрожали от холода, и начинает сомневаться в правильности своего выбора. Посмеяться пока не получалось. Скорее, хотелось зевнуть. Или развернуться и уйти, громко хлопнув дверью. Но что-то её удерживало. Какое-то смутное предчувствие, какая-то вибрация в воздухе, словно само пространство здесь было наэлектризовано ожиданием.

Она шагнула вперёд, и звук её каблуков по каменным плитам показался кощунственно громким в этой напряжённой, как натянутая тетива, тишине. Цок-цок-цок. Каждый шаг отдавался от стен, множился, возвращался к ней искажённым эхом, и ей казалось, что она идёт по гигантскому музыкальному инструменту, извлекая из него единственную, моно-

тонную ноту. Десятки голов повернулись к ней, и она физически ощутила на себе перекрёстный огонь взглядов — любопытных, испуганных, раздражённых, восхищённых. Человеческие лица, совсем юные, с глупыми, как ей показалось с первого взгляда, выражениями, сливались в одно тусклое пятно.

Но она всё же скользнула по ним взглядом, удостоив беглого осмотра. Так, из профессионального интереса. Кто здесь есть? Вот тот рыжий, веснушчатый, с круглыми от ужаса глазами — первокурсник, явно из фермерской семьи, магия у него, скорее всего, бытовая, не выше второго круга. Вот та девица с надменным лицом и чересчур обильной косметикой — дочь какого-нибудь барона, возомнившая себя великой волшебницей. А вон там, в углу, закутанный в серый плащ — этот интереснее. Он не смотрит на неё, он смотрит на профессора, и в его глазах — голод. Голод до знаний. Такие либо становятся великими магами, либо погибают на третьем курсе, пытаясь призвать демона. Впрочем, какое ей до них дело? Эльфы не запоминают смертных. Во всяком случае, не с первой минуты и не по такому ничтожному поводу.

Её взгляд, скользнув по аудитории, остановился на источнике холода, который, казалось, промораживал всё помещение до самого основания, до последнего камешка в кладке.

Он стоял у доски, полуобернувшись к замершему залу. Высокий. Даже по эльфийским меркам высокий — а она привыкла к тому, что люди обычно достают ей лишь до плеча. Этот же возвышался над кафедрой чёрным, неподвижным монолитом, и в его позе не было ни капли напряжения, ни намёка на человеческую суетливость. Он стоял так, словно рос из этого пола, словно был частью этой аудитории — такой же древний, такой же мрачный, такой же незыблемый.

Простая, но безупречно скроенная мантия цвета воронова крыла облегала широкие плечи. Ткань была матовой, плотной, она поглощала свет, не давая ни единого блика. Ни одной складки, ни одной лишней детали — ни вышивки, ни галунов, ни знаков отличия, которые так любят носить человеческие маги, чтобы подчеркнуть свою значимость. Только чёрный цвет. Только чистые линии. Только смертоносная, отточенная элегантность, которая говорила о своём обладателе больше, чем любые регалии. Человек, который так одевается, либо абсолютно лишён тщеславия, либо настолько уверен в себе, что не нуждается во внешних подтверждениях своего статуса. И то, и другое — опасно.

Тёмные, чуть волнистые волосы, не стянутые лентой, как было принято у магистров, а свободно откинутае назад, открывали высокий лоб. В них, если присмотреться, можно

было заметить серебряные нити — то ли седина, то ли врождённая особенность, то ли след какого-то магического эксперимента. Но взгляд Лиары застыл не на волосах. Он застыл на его лице. Вернее, на том, что она смогла разглядеть в предательском полумраке.

Резкая, будто высеченная из камня неумелым, но вдохновенным скульптором, линия скул. Твёрдый, чётко очерченный рот, губы плотно сжаты, но не в гримасе недовольства, а в естественном, спокойном состоянии — так сжимается лезвие ножа, когда он лежит на столе. Прямой нос с едва заметной горбинкой. И глаза. Они не были тёмными. Даже в этом скупом, дрожащем освещении она заметила, что они светлые — прозрачно-серые, как лёд на весеннем озере, как небо перед бурей, как отполированная сталь. И такие же холодные.

Магистр Кайан Вэллс. Имя, которое ей назвал секретарь, вручая расписание, было единственной причиной, по которой она вообще нашла в себе силы добраться до этой лекции. Когда она просматривала список предметов, её взгляд скользил по строчкам с нарастающей тоской: «Введение в основы травничества», «История аграрной магии», «Этикет для юных волшебников»... От одного названия последнего её передёрнуло. Ей, той, кто знала этикет эльфийских дворов, этикетки дроу, этикетки гномьих королей и даже ритуалы приветствия орков, предлагали учиться делать реверансы перед

каким-то человеческим баронишкой? Смешно. Она уже собиралась скомкать расписание и отправиться напрямик в кабинет ректора, чтобы высказать всё, что она думает об этом заведении, но тут её взгляд зацепился за последнюю строчку.

«Запретные искусства. Магистр К. Вэллс».

Запретные искусства. Звучало многообещающе. В этом было что-то запретное, тёмное, опасное. Что-то, чего не найти в библиотеке отца. Что-то, что может разогнать скуку. И она осталась. И вот она здесь. Смотрит на человека, который, судя по всему, даже не заметил её вторжения. Или сделал вид, что не заметил.

Он продолжал говорить.

Голос у него был под стать облику. Низкий, лишённый каких-либо модуляций, ровный, как линия горизонта в полный штиль. Он не гремел, не рычал, не пытался подавить, не заискивал и не угрожал. Он просто звучал, и каким-то непостижимым образом каждое его слово, произнесённое почти шёпотом, долетало до самых дальних углов огромного зала, заставляя воздух вибрировать. Это была не акустика — акустика не могла творить таких чудес. Это была магия, тонкая, почти незаметная, вплетённая в сам тембр его голоса. Лиара прищурилась, пытаясь разглядеть структуру заклинания,

но не увидела ничего — ни ауры, ни свечения, ни эманаций. Либо он был настолько искусен, что творил чары без видимых проявлений, либо... либо его голос сам по себе был магическим инструментом. И то, и другое пугало и завораживало одновременно.

— ...именно поэтому наложение сдерживающих контуров при работе с тeneвыми субстанциями является не просто формальностью, а краеугольным камнем вашей безопасности, — говорил он, и каждое слово падало в тишину, как камень в глубокий колодец. — Энергия Хаоса, будучи нестабильной по своей природе, ищет путь наименьшего сопротивления. Она подобна воде, которая всегда найдёт трещину в плотине. И этой трещиной, этим путём наименьшего сопротивления, — он сделал едва заметную паузу, и струйка ледяного воздуха пробежала по рядам, заставляя студентов ёжиться и плотнее кутаться в мантии, — станете вы. Ваш разум. Ваша жизненная сила. Ваша душа.

Он говорил это так, словно вёл беседу сам с собой или с кем-то невидимым, стоящим у него за плечом. Он не ожидал ни ответа, ни понимания, ни даже простого кивка. Он просто излагал факты. Страшные, леденящие кровь факты, от которых у первокурсников на лицах выступал холодный пот. Он говорил о распаде личности, о необратимых мутациях, о том, как Хаос проникает в сны и сводит с ума, о магах, ко-

которые теряли контроль и превращались в сгустки протоплазмы, вечно стонущие в подвалах Академии. И всё это — тем же ровным, монотонным голосом, каким дворецкий докладывает о меню на ужин.

А ей стало смешно. Нет, не над содержанием — содержание было... впечатляющим. Ей стало смешно над подачей. Какой пафос. Какая театральность. Эти люди, проживающие свои короткие, как вспышка спички, жизни, так любят нагонять страх. Они пытаются придать вес своим никчёмным, по её мнению, знаниям, облекая их в форму мрачных пророчеств и трагических шёпотов. «Ваша душа». Можно подумать, у кого-то в этой аудитории, кроме неё, есть душа в том смысле, который вкладывают в это слово Древние. Бесмертная искра, способная пережить физическую оболочку? У людей? Они же гаснут, как свечи, не оставляя после себя даже дыма. Обидно, наверное. Наверное, поэтому они так цепляются за свои короткие жизни, так боятся их потерять. А он, их магистр, играет на этом страхе, как опытный музыкант на лютне.

Она сделала ещё несколько шагов, и теперь на неё смотрели все. Все, кроме него.

Он всё ещё стоял вполоборота, обращаясь к доске и, казалось, к самой Вечности за окнами, и его мелок, не отры-

ваясь, выводил сложную, многослойную схему заклинания. Белая пыль сыпалась на чёрный рукав, но он не замечал или не считал нужным замечать. Линии ложились одна к другой с математической точностью, руны вписывались в круги, круги соединялись силовыми векторами, и вся эта конструкция начинала светиться мягким, серебристым светом. Схема была настолько сложной, что у Лиары, при всей её эльфийской подготовке, зарябило в глазах. Она узнала некоторые элементы — сдерживающие символы, привязки к источнику, отражающие контуры, — но общая структура ускользала от понимания. Это было... досадно. Очень досадно. Она привыкла быть первой, привыкла всё схватывать на лету, и вдруг столкнуться с чем-то, что выше её понимания, было ударом по самолюбию.

Тишина стала невыносимой. Это была тишина ожидания — густая, вязкая, как патока. Студенты боялись дышать, боялись шевелиться, боялись даже думать слишком громко, чтобы не нарушить этого зловещего спокойствия. Они ждали, когда гром небесный, в лице магистра Вэллса, испепелит дерзкую нарушительницу спокойствия. В их глазах, устремлённых на Лиару, читался животный страх пополам с любопытством — так смотрят на приговорённого к казни, гадая, будет ли он кричать. Лиара же ждала, когда ей это наскучит окончательно. Она знала себе цену и знала, что любое ожидание, в котором она не является центром внимания, — пу-

стая трата времени. А время, даже для эльфов, — ресурс невозполнимый.

Она остановилась прямо напротив кафедры, на расстоянии нескольких шагов. Достаточно близко, чтобы разглядеть всё — каждую чётточку его лица, каждую пылинку на его мантии, каждую серебряную нить в его волосах. И достаточно далеко, чтобы сохранить иллюзию безопасности, чтобы успеть поставить щит, если он вдруг решит, что она представляет угрозу. Она откинула с плеча прядь пепельно-русых волос, которые в свете свечей отливали лунным серебром, и слегка склонила голову набок, принимая самую небрежную и изящную позу, на какую была способна. Поза охотника, который смотрит на дичь и размышляет, стоит ли тратить стрелу.

Он закончил схему.

Последняя линия легла точно в центр, замкнув сложную паутину рун. Схема вспыхнула ярче, запульсировала, словно живое сердце, а затем свет угас, впитался в камень доски, оставив лишь белую меловую вязь. Он отложил мелок с тихим, сухим стуком — звук, похожий на звук закрывающейся крышки гроба. Стряхнул с пальцев невидимую пыль, сделал это машинально, не глядя на руки. И только после этого — медленно, очень медленно, словно ему было невыно-

симо жаль тратить даже малейшее движение на столь незначительный объект, — повернулся к ней.

Их взгляды встретились.

Серый лёд столкнулся с жидким золотом. Две стихии, два мира, два совершенно разных существа. В этом столкновении не было ни звона, ни искр, ни вспышки — ничего из того, о чём пишут в дешёвых романах. Только глубокая, абсолютная, космическая тишина, в которой они двое, казалось, остались одни во всей Вселенной. Вся аудитория, все эти испуганные студенты, каменные своды, дрожащее пламя свечей, сам воздух — всё схлопнулось, исчезло, аннигилировало, оставив только его и её, стоящих друг напротив друга в бесконечной, лишённой координат пустоте.

Она ожидала чего угодно. Гнева — холодного, уничтожающего. Раздражения — острого, как бритва. Холодного презрения — это было бы даже приятно, она бы упивалась им, как дорогим вином. Язвительного замечания, которое дало бы ей повод для ответной колкости. Но не этого. Не этого полного, тотального, абсолютного отсутствия какой-либо реакции.

Его взгляд скользнул по ней. Не так, как мужчина смотрит на женщину, — она привыкла к восхищённым, жадным,

раздевающим взглядам. Не так, как человек смотрит на эльфа, — с затаённой завистью и опаской. Его взгляд скользнул по ней, как скальпель по стеклу — не оставляя следа, не задерживаясь ни на мгновение дольше необходимого, не зацепляясь ни за одну деталь. Он словно каталогизировал её — рост, цвет волос, вероятный уровень магической силы, потенциальная опасность — и тут же отнёс к какой-то категории, не представляющей интереса. «Помеха», — говорил этот взгляд. «Незначительная флуктуация среды. Пыль на подоконнике». И вычеркнул из сферы своего внимания.

Это задело.

Задело сильнее, чем любое оскорбление, сильнее, чем пощёчина, сильнее, чем публичное унижение. Он просто её не заметил. Не счёл достойной даже тени эмоции, даже тени мысли. Лиара Элландэль, перворождённая дочь дома Элландэль, владелица магии семи стихий, наследница древней крови, оказалась недостаточно интересной для какого-то человеческого преподавателя. Это было... это было невыносимо. Это было недопустимо. Это требовало немедленного, сокрушительного ответа.

Внутри неё, где-то глубоко, под слоями воспитания, аристократической выдержки и эльфийской невозмутимости, закипала ярость. Чистая, первобытная, детская ярость на то-

го, кто посмел не оценить её значимость. Она привыкла быть в центре внимания — всегда, везде, при любых обстоятельствах. И вдруг — такое пренебрежение. Это было не просто невежливо. Это было противоестественно, как если бы солнце вдруг отказалось всходить.

— Имя. — Это было не слово, а удар хлыста, короткий, резкий, безжалостный. Даже не вопрос. Приказ. Команда, которую отдают собаке. «Сидеть». «Голос». «Имя».

Тишина в аудитории стала плотной, как вода на большой глубине. Казалось, ещё немного — и она начнёт давить на барабанные перепонки, выдавливать воздух из лёгких. Студенты, кажется, вообще перестали дышать, превратившись в восковые фигуры. Лиара почувствовала, как по спине пробежал холодок, как волосы на затылке встали дыбом — но не от страха. Ни в коем случае не от страха. Это было предвкушение. Внезапный, острый, почти охотничий азарт, который она испытывала в детстве, когда отец впервые вывел её на настоящую охоту. О, так ты умеешь говорить? Умеешь повелевать. Что ж, посмотрим, долго ли ты продержишься со своим каменным лицом.

Она не стала торопиться. Правила игры, которую он невольно начал, не предполагали спешки. Спешка — удел смертных, тех, кто боится не успеть за свою короткую жизнь.

Ей спешить некуда. У неё впереди вечность. И она собиралась растянуть это мгновение, смаковать его, как редкое лакомство.

Она медленно, очень медленно перевела взгляд с его лица на манжеты его мантии, где белела меловая пыль. Белое на чёрном — контраст, который резал глаз. Она проследила за каждой складочкой ткани, за каждым швом — безупречно, ни одной лишней нитки. Затем её взгляд скользнул выше, к воротнику-стойке, который плотно обхватывал его сильную, мускулистую шею. Шею воина, а не кабинетного мага. Затем — к подбородку, твёрдому, с едва заметной ямочкой. И только затем, проделав этот долгий, извилистый путь, её глаза снова встретились с его глазами.

И она улыбнулась.

Улыбка вышла лёгкая, чуть рассеянная, словно она только что заметила нечто забавное, ведомое лишь ей одной. Словно она знала какой-то секрет, который делал эту ситуацию смешной, а его — смешным вдвойне. Это была улыбка Моны Лизы — непонятная, манящая, раздражающая своей неопределённостью.

— Ли-а-ра, — произнесла она по слогам, растягивая гласные, как расплавленный мёд, как тёплую карамель, как гу-

стое красное вино. Каждый звук её голоса, чистого и звонкого, как лесной ручей, как пение райской птицы, как перезвон серебряных колокольчиков, был вызовом. Он был направлен не в пустоту, не в зал, не в трепещущий полумрак. Он был направлен прямо в его ледяные глаза, в его каменное лицо, в его непроницаемую броню. Она вложила в своё имя всю музыку эльфийских садов, всю вековую тоску своего народа, всю личную, персональную насмешку над этим местом и над ним — его безупречным стражем. — Ли-а-ра Элландэль.

Она сделала крошечную паузу, ровно на один удар сердца — своего сердца, не его, она не знала, бьётся ли у него сердце вообще, — и добавила, чуть склонив голову к плечу:

— Надеюсь, я не помешала вашему... вдохновляющему монологу?

Последнее слово она выделила особо, вложив в него всю иронию, на которую была способна, весь сарказм, накопленный за долгие годы скуки. «Вдохновляющему». Это слово прозвучало как пощёчина. Как плевок. Как звонкая оплеуха в мёртвой тишине. Она почти физически ощутила, как по аудитории прокатилась волна шока. Кто-то на заднем ряду судорожно втянул в себя воздух и закашлялся, подавившись собственным вздохом. Кто-то уронил перо, и этот звук показался грохотом падающего шкафа. Свечи дружно мигнули,

словно от резкого порыва ветра, хотя ни одно окно в аудитории не было открыто.

И в этот момент что-то изменилось.

В глазах магистра Вэллса, которые она уже было посчитала двумя кусками безжизненного кварца, двумя ледяными пустышками, что-то шевельнулось. На самом дне. Там, где, казалось, не могло быть ничего, кроме холода и безразличия. Это не было эмоцией в привычном понимании — люди, она знала, эмоциональны и несдержанны. Это было иное. Тень. Так простое, но осторожное движение зверя, который заметил на своей территории другого хищника. Не жертву — жертву он бы разорвал, не задумываясь. Именно хищника. Равного — нет, не равного, но потенциально опасного.

Он всё ещё смотрел на неё со спокойствием каменной скалы, о которую разбиваются волны. Его лицо не дрогнуло. Его поза не изменилась. Даже дыхание, кажется, не участилось. Но теперь она знала, нутром чувствовала — он её видит. Видит по-настоящему. Он больше не смотрит сквозь неё, как сквозь пустое место. Он смотрит на неё. И это была маленькая, но такая сладкая победа.

Он не ответил на её дерзость. Он вообще, казалось, её не услышал. Или, что более вероятно, услышал, но счёл недо-

стойной ответа. Ребёнок сказал глупость — взрослый не будет её комментировать. Это было даже лучше. Это разжигало кровь, заставляло её бурлить в жилах быстрее, горячее. Значит, одного залпа недостаточно. Значит, нужна осада. Долгая, изнурительная осада этой ледяной крепости.

— Вы опоздали, леди Элландэль, — произнёс он тем же ровным, лишённым красок тоном. Её имя в его устах прозвучало как-то иначе, потеряло всю музыку, всю поэзию, став просто набором звуков, формальной этикеткой, записью в журнале. — На четырнадцать с половиной минут. — Он действительно посчитал. С точностью до половины минуты. — В следующий раз, когда решите, что хронометраж моей лекции — вещь, которую можно игнорировать, советую вам свёрять время не с солнечными часами вашего поместья, а с реальностью этого мира. — Лёгкий, едва уловимый укол в сторону её происхождения. Значит, он заметил, что она эльф. Заметил и не придавал значения. — Здесь время течёт быстрее. И оно имеет свойство заканчиваться.

Последняя фраза прозвучала как-то особенно, с нажимом, с тёмным подтекстом. «Время имеет свойство заканчиваться». Для людей — да. Для эльфов — нет. Он напоминал ей о её смертности — пусть и отдалённой, пусть и растянутой на столетия, но всё же смертности. Или о чём-то другом? О том, что время самой Академии, время этого урока, время,

отведённое на её выходку, — всё это конечно?

Он говорил это, уже отвернувшись. Он снова взял мелок — длинные, бледные пальцы музыканта или хирурга сомкнулись на белом цилиндрике — и собирался продолжить прерванное занятие. Собрание вздохнуло, слышался дружный шелест пергаментов, скрип перьев — студенты, обрадованные тем, что кара небесная миновала, что гром не грянул, что их не привлекли к ответу за её дерзость, спешили вернуться к своим записям. Работали локти, скрипели стулья, кто-то зашептался с соседом, получил тычок под рёбра и замолчал.

Она была отпущена. Проигнорирована. Снова.

Лиара не двинулась с места. Её ноги словно приросли к каменному полу. Внутри неё, в груди, где-то между сердцем и солнечным сплетением, закипала злость. Не та, поверхностная, которую можно унять парой глубоких вдохов. Нет — чистая, незамутнённая, эльфийская гордыня, замешанная на чувстве собственного превосходства, на тысячелетиях истории, на уверенности в том, что она — лучше. Что она — центр вселенной, вокруг которого должны вращаться все остальные. И этот смертный, этот человек с его смешной схемой и его стальным голосом, посмел не заметить её. Дважды. Он указал ей на место, как нерадивой собачонке, как

нашкотившему ребёнку, как пустому месту. Нет. Так не пойдёт. Она приехала сюда не для того, чтобы её игнорировали. Она приехала развлекаться. А веселье только начиналось.

— С реальностью? — эхом повторила она, и её голос, усиленный магией — она не сдержалась, позволила себе крошечную, почти невинную шалость, — прозвенел в тишине, заставив нескольких студентов нервно дёрнуться и выронить перья. Она не двинулась с места, всё так же стояла напротив кафедры, скрестив руки на груди — жест закрытый, оборонительный, но в то же время демонстративно-небрежный. — Вы читаете лекцию о теневых субстанциях и Хаосе, магистр Вэллс. Скажите, а что, по-вашему, более реально? Стрелка часов, придуманная людьми для измерения их коротких жизней? Или первозданная Тьма, которая, как вы изволили выразиться, «ищет путь»? Которая существовала до времени и будет существовать после? Может быть, моё опоздание — это лишь ничтожная флуктуация в ткани бытия, рябь на поверхности океана Вечности, которая не стоит того, чтобы прерывать вашу... — она сделала широкий, неопределённый жест рукой в сторону доски, в сторону схемы, в сторону всей этой величественной, но такой хрупкой человеческой науки, — ... великую работу?

Она бросила ему вызов. Прямой, открытый, наглый. Она поставила под сомнение его авторитет, его предмет, саму

концепцию времени, на которую он опирался. Это была дерзость, граничащая с безумием. Первокурсница — пусть даже эльфийская — спорила с магистром запретных искусств о природе реальности. Это было похоже на то, как если бы мышка начала учить кота охотиться.

На этот раз он повернулся полностью. Медленно, даже величественно. Сначала плечи, затем корпус, затем голова. Он не суетился, не дёргался, не делал лишних движений. Он положил мелок на край кафедры, и этот тихий, сухой стук прозвучал как приговор, как удар топора по плече. В аудитории воцарилась мёртвая тишина. Даже свечи, казалось, перестали потрескивать.

Он смотрел на неё несколько долгих, бесконечных секунд. Смотрел так, как, наверное, анатом смотрит на особенно интересный, ещё не препарированный образец. Как смотрит художник на чистый холст, размышляя, что на нём изобразить. Как смотрит палач на приговорённого, прикидывая, с одного удара снесёт голову или нет. Ни капли человеческого тепла, ни капли сочувствия, ни капли интереса как к личности — только холодный, расчётливый, безжалостный анализ. Он препарировал её своим взглядом, снимая слой за слоем. Дерзость, которую она выставила напоказ, как щит. Браваду, за которой скрывалась уязвлённая гордость. Остроумие, которое было лишь защитной реакцией. Иронию, служившую

оружием. Он добирался до самой сути, до того, что скрывалось под всеми этими слоями, — и Лиара вдруг испугалась, что он увидит там что-то, чего она сама о себе не знает.

Она почувствовала себя невероятно, пугающе обнажённой. Никогда в жизни — а она помнила все свои шестьдесят три года — она не чувствовала себя такой уязвимой. Стоять перед ним под этим аналитическим, бесстрастным взглядом было всё равно что стоять голой на морозе. Но она не отвела глаз. Напротив, она вздёрнула подбородок ещё выше, позволяя золоту своих глаз гореть ярче, позволяя своей магии пульсировать на грани восприятия. Она не сдастся. Она не отступит. Элландэль не сдаются.

— Реальность, леди Элландэль, — произнёс он тихо. Гораздо тише, чем говорил до этого. И от этого, как ни странно, его голос стал ещё страшнее. Каждое слово падало тяжело, как капля ртути на стекло, как свинцовая гиря на бархатную подушку. — Реальность такова, что ваши познания в области теневых субстанций прямо пропорциональны вашему умению соблюдать академический этикет. А именно — равны нулю.

Он сделал паузу, и в этой паузе можно было услышать, как у кого-то из студентов зуб на зуб не попадает от страха.

— Первозданная Тьма, о которой вы так легкомысленно упомянули за прошедшие три минуты, не прощает небрежности. Она не прощает опозданий. Она не прощает пустого бахвальства и красивых слов. Она требует точности. Дисциплины. Уважения. Всего того, чего у вас, как я вижу, нет в избытке. Как и у меня нет времени на ваши... филологические изыскания. Поэтому займите. Своё. Место.

Это не было просьбой. Или даже приказом. Это была констатация факта, непреложного, как восход солнца, как смена времён года, как смерть. Вода мокрая. Небо — высоко. Лиара Элландэль займёт своё место. Это было утверждение, в истинности которого он не сомневался ни на секунду. И именно эта абсолютная, непоколебимая уверенность заставила её подчиниться.

Не потому, что он её напугал. И не потому, что она признала его правоту — боже упаси, она скорее умерла бы, чем признала правоту смертного. И не потому, что его слова о Первозданной Тьме посеяли в ней зерно сомнения — хотя, надо признать, что-то в его тоне, какая-то глубинная, нечеловеческая убеждённость, заставила её внутренне поёжиться. Она подчинилась потому, что была умна. Потому что поняла, что лобовая атака на эту крепость бесполезна. Он играл по своим правилам, на своей территории, и был в этой игре мастером. Он знал этот зал, этот полумрак, эту аудито-

рию. Он знал свой голос и свою магию. Чтобы победить такого противника, нужно было принять его условия. Нужно было сесть за его стол и играть в его игру, постепенно перетягивая одеяло на себя. Игру в кошки-мышки, где она пока не была уверена, кто кошка, а кто мышка.

Она медленно, всё так же не сводя с него глаз, прошла к первому попавшемуся свободному месту в первом ряду. Прямо перед кафедрой. Максимально близко к нему. На расстояние вытянутой руки. Пусть видит её. Пусть чувствует её присутствие. Пусть знает, что она не сбежала, не испугалась, не сломалась. Она лишь сменила тактику.

Она села. Плавным, отточенным движением — годы уроков танцев и этикета не прошли даром — поправила складки своего дорожного платья из тёмно-зелёного шёлка. Ткань мягко зашуршала, этот звук был единственным во всей аудитории. Она сложила руки на коленях — идеальная поза примерной ученицы, спина прямая, плечи развёрнуты, подбородок параллелен полу. За этим фасадом скрывался расчётливый хищник, который затаился и ждал своего часа. Пантера, притворившаяся домашней кошкой.

Он начал читать дальше. Так, словно ничего не произошло. Словно она не бросала ему вызов. Словно он не ставил её на место. Магия его голоса снова заполнила аудито-

рию, завораживая, убаюкивая, проникая в самые потаённые уголки сознания. Он говорил о принципах начертания сдерживающих рун, о пропорциях и символах, о том, как неправильно начертанный знак может превратить защитное поле в воронку, засасывающую душу мага в Бездну. Он говорил об астральном теле, о его связи с физическим, о том, как Хаос атакует в первую очередь астральную оболочку, вызывая кошмары, галлюцинации, раздвоение личности. Он говорил об опасности обратной тяги — феномена, когда заклинание, наложенное на тeneвую субстанцию, отражается и поражает самого заклинателя. Умные, сложные, мрачные вещи, которые он излагал сухо и безжалостно, как математическую теорему, как шахматную партию, как отчёт о проделанной работе.

Но она его почти не слушала.

Она смотрела.

На то, как двигаются его длинные, изящные пальцы, когда он берёт мелок. Как вздуваются вены на тыльной стороне ладони. Как напрягаются и перекачиваются мышцы на шее, когда он поворачивается к доске, чтобы добавить ещё одну линию в свою бесконечную схему. Как ледяные глаза, сканируя аудиторию, на мгновение — на долю секунды, на один удар сердца — задерживаются на ней, проверяя, на месте ли

она, не замышляет ли чего, а затем скользят дальше, к другим студентам. Как едва заметно шевелятся его губы, когда он произносит особо сложные термины на древнем языке, который, как ей казалось, она знала, но который в его устах звучал совершенно незнакомо.

Он был идеален. И это бесило.

Словно кто-то, создавая его, взял за основу эстетику смерти — холодную, отстранённую, совершенную в своей завершённости — и отточил её до зеркального блеска. Ни одной лишней детали, ни одной слабости, ни одной трещины в броне. Человек-сталь. Человек-лёд. Человек, у которого, казалось, не было сердца, а если и было, то оно билось где-то глубоко, за семью печатями, и никому не было доступа к нему.

Лекция закончилась внезапно. Он просто замолчал на полуслове, положил мелок на край кафедры — тот самый стук, сухой и окончательный, — и, даже не взглянув на аудиторию, произнёс:

— К следующему занятию выучить первые три круга защитных рун. Полностью. С вариантами для стихийных искажений. Тот, кто не справится, будет отрабатывать на себе последствия небрежности. В экспериментальной камере номер три.

Он вышел, не прощаясь, не говоря «до свидания», не давая никаких дополнительных пояснений. Мантия взметнулась чёрным крылом, закрыв на мгновение свет свечей, и тяжёлая дверь за ним закрылась с глухим, гулким стуком, который прокатился по аудитории и замер где-то в вышине, среди невидимых балок.

Аудитория мгновенно взорвалась шумом, словно отпущенная на волю пружина. Студенты заговорили все разом, спеша собрать свои вещи, обменяться впечатлениями, выплеснуть напряжение, которое накопилось за время лекции. «Ты видел её?» — «Она сумасшедшая!» — «Спорить с магистром Вэллсом — это верная смерть!» — «А мне кажется, она крутая». Шёпот, гул, смешки, нервное хихиканье — всё смешалось в одну какофонию, которая била по ушам после долгой тишины.

Вокруг Лиары образовалась пустота. Словно невидимая стена отделяла её от остальных. Никто не решался подойти, заговорить, спросить что-либо. Её представление произвело впечатление, но скорее отпугивающее, чем притягательное. Человеческие отпрыски смотрели на неё кто с ужасом — те, кто привык дрожать перед магистром, — кто с восхищением — те, кто втайне мечтал ему дерзить, но не имел смелости, — кто с плохо скрываемой завистью — те, кто понимал, что

им никогда не достичь такой уверенности в себе. Но никто не подходил. Она была чужой. Белой вороной. Вернее, золотой эльфийкой среди серых человеческих птенцов.

Она не торопилась. Медленно, всё так же плавно, словно у неё в запасе была вечность, она поднялась со скамьи. Расправила платье, одёрнула рукава, поправила волосы. Краем глаза она заметила, что рыжий веснушчатый первокурсник смотрит на неё с откровенным обожанием, и мысленно усмехнулась. Ещё один поклонник. Этого ей только не хватало.

Её взгляд упал на кафедру. Туда, где за секунду до этого стоял магистр Вэлс. Там, рядом с забытым мелком — забытым нарочно или случайно? — лежал небольшой, тускло блестящий предмет. Он был настолько тёмным, что поначалу она приняла его за тень, за игру света. Но нет — это был физический объект.

Влекомая любопытством — а любопытство всегда было её сильной и одновременно слабой стороной, — она подошла ближе. Каблуки снова зацокали по каменным плитам, но теперь этот звук был одиноким, почти жалобным, без той бравады, что звучала в нём при входе. Она остановилась у кафедры и наклонилась, разглядывая находку.

Это был кулон. На простой, даже грубой стальной цепочке — тусклой, без блеска, словно её ковали не для украшения, а для дела. Подвеска — тёмный, почти чёрный камень в форме слезы, крупный, с ноготь большого пальца. Он был заключён в оправу, напоминающую когти хищной птицы — четыре изогнутых металлических лепестка, которые сжимали камень с какой-то жадной, собственнической хваткой. Вещь была старая. Очень старая. Не просто старая — древняя. Металл оправы потускнел, но не от времени, а словно от прикосновений многих рук. Камень внутри, казалось, поглощал свет, не отражая ни блика.

Грубая работа? Да. Но в ней ощущалась сила. Тёмная, притягательная, пугающая сила, которая пульсировала на самой границе восприятия. Она отдавала холодом — не физическим холодом металла, а чем-то иным, потусторонним, что проникало сквозь кожу и оседало в костях. И чем-то древним. Чем-то, что существовало задолго до этой Академии, задолго до человеческой цивилизации, возможно — задолго до эльфов. Это определённо была не человеческая работа. Люди так не делают. У людей другой стиль — более вычурный, более символический. А это было... первобытно. Как клык хищника на верёвке. Как осколок метеорита, которому поклонялись дикари. И уж точно это не была вещь магистра — не та вещь, которую носят для красоты или статуса. Слишком простая. Слишком... честная в своей функ-

циональности.

Забыл? Сомнительно. Человек, который считает минуты с точностью до половины, не забывает свои вещи на рабочем месте. Скорее... талисман? Артефакт, который он снял во время лекции, чтобы не фонил? Или демонстрационный материал для следующей темы?

Не успев до конца осознать, что делает, движимая скорее инстинктом, чем разумом — этим же инстинктом она руководствовалась, когда в детстве таскала запретные сладости, — Лиара протянула руку и коснулась камня кончиками пальцев.

Мир взорвался. Нет, не мир. Она сама.

Вспышка — не светлая, а чёрная, высасывающая все краски, весь объём, весь смысл. Внутренняя тьма, которая, казалось, спала где-то в глубине её существа, вдруг проснулась, всколыхнулась, заворочалась, как дракон в пещере. В ушах зазвенел низкий, нечеловеческий шёпот, сплетающийся из тысяч, миллионов голосов. Они шептали на языках, которых она не знала, на языках, которые не могли знать смертные, на языках, которые, возможно, не знали даже боги. Они обещали, угрожали, манили, предостерегали — всё одновременно. Пальцы обожгло холодом. Нет — сверхъестественным, абсо-

лютным холодом, который был горячее любого пламени. Холодом космической пустоты, в которой нет ни тепла, ни надежды, ни жизни. Этот холод пронзил её до самой кости, до мозга костей, до той эльфийской сердцевины, которую она считала неуязвимой.

Она отдернула руку, как отдёргивают от раскалённого железа. Инстинкт самосохранения сработал быстрее разума. Но было поздно. Контакт состоялся. Искра — крошечная, алая, как капля крови, — сорвалась с камня и впилась в её кожу, исчезла без следа, растворилась в венах. В ту же секунду одна из свечей на кафедре, самая близкая, вспыхнула ослепительным белым пламенем и погасла, захлебнувшись собственным воском. А потом, мгновение спустя, зажглась снова — но уже мертвенным, потусторонним, зелёным пламенем. Пламенем, которое не грело, а высасывало тепло из пространства вокруг.

Лиара отшатнулась, прижимая ужаленную руку к груди. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать, мешая думать. В висках стучало. Перед глазами плавали чёрные пятна. Что это было? Что за сила заключена в этом камне? И, что гораздо важнее, — что за искра сейчас течёт по её венам?

Она заставила себя выдохнуть. Медленно, на счёт «раз-два-три-четыре». Затем вдохнуть — так же медленно. Так

учил отец, когда она в детстве теряла контроль над магией. «Дыхание — ключ, Лиара. Контролируешь дыхание — контролируешь силу». Постепенно сердцебиение замедлилось, чернота перед глазами рассеялась.

Она медленно разжала пальцы и посмотрела на ладонь. Кожа была чистой — ни ожога, ни шрама, ни следа проникновения. Только лёгкое, почти неощутимое покалывание в кончиках пальцев, словно она слишком долго держала руку на морозе. Но внутри, глубже, под кожей, под мышцами, где-то на уровне души, что-то изменилось. Что-то пробудилось. Что-то давно спящее теперь ворочалось и устраивалось поудобнее, пробуя её изнутри, как примеряют новое платье. Это не было больно. Это не было неприятно. Это было... чужеродно. И в то же время странно знакомо. Как забытое воспоминание, которое вдруг всплыло из глубин подсознания.

Её взгляд, помимо воли, метнулся к двери, за которой минуто назад исчез магистр Вэлс. Он знал. В этом она была уверена так же твёрдо, как в собственном имени. Он нарочно оставил кулон. Это не было забывчивостью, не было случайностью. Это было приглашение. Или проверка. Или, что вернее всего, и то, и другое. Ей показалось — или в последний момент, перед тем как дверь закрылась, его ледяные глаза нашли её в толпе студентов? Ей показалось — или в них мелькнуло нечто похожее на удовлетворение? Мгновенный,

почти незаметный блеск, который она, возможно, придумала сама, но от которого по спине пробежал холодок.

Что он ей подложил? Какую такую тёмную искру? Что это за камень, который реагирует на прикосновение и меняет цвет пламени? И, главное, — что теперь будет с ней?

Страх, который вспыхнул в первые секунды после прикосновения, схлынул, как волна отступает от берега, оставляя после себя мокрый песок и ракушки. На смену ему пришло нечто совершенно иное. Восторг. Чистый, незамутнённый, почти детский восторг, смешанный с диким, пьянящим предвкушением. Скука, душившая её долгие месяцы в отцовском поместье, скука, от которой она готова была лезть на стены, скука, которая заставила её согласиться на эту авантюру с Академией, — эта скука исчезла без следа, растворилась в зелёном пламени свечи.

Она думала, что едет развлекаться. Что будет играть с напыщенными смертными, дразнить их своей древней кровью и острым языком, как кошка дразнит мышь. Она искала забаву, маленькое приключение, которое скрасило бы пару лет её бесконечной жизни. А нашла войну. Самую настоящую, опасную, захватывающую войну, объявленную без единого слова — одним лишь взглядом ледяных глаз и забытым на столе артефактом. Войну, в которой она пока не знала пра-

вил, не знала сил противника, не знала даже своей собственной роли. Но именно это и делало её такой притягательной.

Лиара поправила волосы — несколько прядей выбились из причёски и упали на лицо. Расправила плечи, развернула их, принимая гордую, уверенную осанку. Глубоко вдохнула, чувствуя, как воздух покалывает лёгкие, словно стал плотнее. И направилась к выходу. Её походка снова стала плавной, невесомой, летящей — так ходят те, кто знает себе цену и не привык уступать дорогу. На губах играла улыбка — холодная и острая, как хорошо заточенный клинок, как первый лёд на осенней луже, как голос магистра Вэллса.

Магистр Кайан Вэллс. Преподаватель запретных искусств. Человек, который смотрит на неё как на пустое место, но при этом оставляет на столе артефакты, способные пробудить тьму. Человек-сталь. Человек-лёд. Человек-загадка.

Она запомнит это имя. Она выучит его наизусть, выгравирует в памяти, будет повторять его перед сном как мантру. И эту игру — их общую игру, правила которой пока не ясны. И сделает всё, абсолютно всё, чтобы лёд в его глазах дал трещину. Чтобы его голос дрогнул. Чтобы его каменное лицо исказила хоть какая-то эмоция — гнев, удивление, восхищение, что угодно. Рано или поздно. Она терпелива. У неё есть время. У неё есть вечность.

А пока... пока ей нужно узнать, что за тьму он разбудил в её крови простым, казалось бы, прикосновением к чёрному камню. Нужно изучить свои новые ощущения, понять, изменилось ли что-то в её магии. Нужно найти библиотеку — в этой Академии должна быть библиотека, — и раскопать всё, что известно о теневых субстанциях, о Хаосе, о Первозданной Тьме. Нужно подготовиться к их следующей встрече. Потому что следующая встреча будет. Она позаботится об этом.

Дверь за ней закрылась с тяжёлым стуком, отрезая её от пустеющей аудитории, от студентов, которые всё ещё перешёптывались за её спиной, от зелёного пламени, которое продолжало гореть на кафедре. А свеча всё горела — никто не решался её потушить, — и в её неверном, мертвенном свете чёрный кулон на стальной цепочке, забытый на краю кафедры, казался не просто украшением, а зрачком какого-то древнего, непостижимого существа, которое наблюдало за ней, ждало и улыбалось. Игра началась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.